

О Сталине, роли идеологии в жизни государства, изоляционизме и личных победах

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1494>

21 ноября 2012

Собеседник

Бурлацкий Федор Михайлович

Ведущий

Споров Дмитрий Борисович

Дата записи

Беседа записана 21 ноября 2012 и опубликована 11 марта 2013.

Введение

Все воспоминания Федора Михайловича — о неудавшихся преобразованиях, об идеалистическом желании изменить систему, оживить ее, в сущности, сделать необходимое для страны. Во второй беседе как политик Федор Михайлович вспоминает, а как политолог анализирует личности и взгляды руководителей страны, состав правящей элиты, роль идеологии в государственной жизни, кругозор и эстетические пристрастия власти — все то, что было частью большой советской системы, которую хотел изменить Бурлацкий. Снова в рассказе фигура Сталина, снова размышления о властных спекуляциях, которые, к сожалению, никогда не потеряют актуальности, как, по-видимому, и утверждение Федора Михайловича о том, что «понадобится целый век, чтобы мы стали частью Запада».

Дмитрий Борисович Споров: Очень интересен сейчас механизм принятия решений, который существовал тогда, когда вы были близки к принятию решений. Хотелось бы услышать от вас, как это происходило? Как влиял консультант, советник вождя на принятие этих решений? Какой вы видели модель правильного взаимодействия вождя и советника? Расскажите о механизме принятия решений в те годы, когда вы были близки к первым лицам государства, со своими комментариями, пожалуйста.

Федор Михайлович Бурлацкий: Я работал в ЦК партии в качестве руководителя группы консультантов при Юрии Владимировиче Андропове, он был секретарем ЦК. И четыре или пять раз, я уже не помню точно, сопровождал Хрущева в его поездках по восточно-европейским странам. Потому что отдел, которым руководил Андропов, был отдел так называемых социалистических стран. Поэтому я довольно близко наблюдал и участвовал в политическом процессе на самом высоком уровне в качестве советника Хрущева, потом работал с Брежневым, не говоря уж об Андропове. В рамках его отдела я создал группу консультантов-советников.

Ю.А. Андропов, П.Н. Поспелов и Ф.М. Бурлацкий. Албания, 1960 г.

Механизм принятия решений был в стадии становления после десятилетий того механизма, который создал Сталин. Сталинский механизм, как известно, отличался тем, что первое, последнее и среднее слово принадлежало Сталину. После Сталина этот механизм немножко расплылся. Во главе партии и, стало быть, страны стоял секретариат ЦК, секретари ЦК. Первым секретарем ЦК был Хрущев Никита Сергеевич. Это был человек решительный, но почти лишенный нормальной школьной грамотности, зато прошедший большую школу политической жизни под руководством Сталина. Он нередко принимал свои персональные, хаотические решения. Он любил размахивать кулаком и шумно декларировать то, что ему приходило в голову. Самая занимательная история, которая связана с этой его привычкой, была в Организации Объединенных Наций.

Д.С.:Общеизвестная?

Ф.Б.:Да-да, общеизвестная. Я присутствовал при этом. Был в Америке в тот момент, когда он снял ботинок и стучал им по столу. Вернее туфель. В знак протеста против выступления представителя франкистской Испании.

Советская система принятия решений

Значит, механизм принятия решения... Как правило, инициативой владел Первый секретарь ЦК. Но, в то же время, другие секретари ЦК тоже участвовали в этом процессе. Но участвовали с некоторой угодливостью и робостью, потому что знали необузданный характер Никиты Сергеевича. Он мог позволить себе любые шуточки по поводу своих коллег. Так он говорил о Суслове Михаиле Андреевиче, говорил вне его присутствия, и в его присутствии тоже, но в большинстве, когда его не было: «этот старый догматик». Так же необуздан был и в разговорах с другими членами Политбюро. Механизм принятия решений был в огромной степени, я думаю, больше чем на пятьдесят процентов или шестьдесят процентов предопределен аппаратом.

Д.С.: А аппаратом документы готовили, в том числе, и консультанты?

Ф.Б.:Да. Я был одним из тех, кто активно участвовал в этом процессе. Особенно, когда возглавил подотдел в рамках отдела социалистических стран ЦК партии. И кроме того, когда я сопровождал Хрущева и Андропова по восточно-европейским странам. Я сказал бы, что самое точное определение механизма принятия решений при Хрущеве — аппаратный.

Д.С.:При Брежнев он тоже было аппаратным?

Ф.Б.:При Брежнев еще больше!

Д.С.:Перелом произошел при Горбачеве?

Ф.Б.:При Горбачеве произошел перелом.

Горбачев был инициативный человек. И активный человек. Он относился к той категории деятелей, о которых можно было сказать «не могу молчать».

Он вмешивался в любой вопрос. Сталин был более сдержанным. Сталин терпеливо выслушивал, а потом бросал какую-нибудь едкую реплику по поводу всех. В особенности Берию он любил вышучивать. А Хрущев при Сталине прятался. Бочком-бочком, проходит так, чтобы не бросаться в глаза.

Стало быть, больше чем на пятьдесят-шестьдесят-семьдесят процентов механизм принятия решений был аппаратным. Хотя Хрущев был импульсивный человек и очень активный по своей натуре, все время во все вмешивался. Тем не менее, большую часть решений предопределял аппарат. В аппарате ЦК в ту пору работали люди разные по своей культуре. Надо сказать, что резко выделялись международные отделы. Это были профессионалы достаточно высокого класса из числа консультантов, заведующих секторами. Каждый мог стать послом в какой-нибудь стране.

Д.С.:То есть большой уровень, хороший?

Ф.Б.:Да. Это были, особенно в международных отделах, люди компетентные. И во внутренних отделах в последний период, уже в хрущевский период были, в основном, профессионалы. Это не были те, которые «звезды хватают с неба», это были те, которые знают предмет.

Д.С.:Служаки?

Ф.Б.: Да, служаки. Службисты, точнее сказать! В огромной степени все предопределял аппарат. Хрущев вторгался в подготовленные решения, сам их не готовил. Кстати, писал довольно неграмотно. Даже боялся сам писать, своей рукой. При Сталине я не работал, точнее, работал, но не в ЦК. И наблюдал его только на трибуне. Думаю, что и тогда аппарат играл огромную роль, но особенно во времена Хрущева и еще в большей степени во времена Брежнева.

Д.С.: Насколько была свобода у консультантов в подготовке предложений, каких-то предварительных решений или путей реализации чего бы то ни было?

Ф.Б.: Думаю, больше пятидесяти процентов инициатив исходили от аппарата. А остальные пятьдесят процентов были стимулированы руководителями, которые бросали в речах какие-то идеи или какие-то предложения. Вот, надо ударить по настроениям в Венгрии, или надо передать товарищу Тито, чтобы он не зарывался. Такого рода политические реплики, в основном, исходили от вождей, а не продуманные и четко сформулированные решения. Это относилось в меньшей (оговорка — в большей, *прим. ред.*) степени к Хрущеву, который был очень инициативен и много бросал разного рода предложений. Например, поездка в Америку — это его личная инициатива. И в меньшей степени к Брежневу, который был малоинициативен и, в основном, полагался на аппарат.

Портреты вождей

Надо сказать, что Брежнев внешне был даже добродушным. Но со своими противниками он расправлялся очень умело. Его главным конкурентом был Шелепин. Это руководитель ЦК комсомола, которого он постепенно задвигал на разные должности, пока совсем не выдворил. Очень любопытное отношение Брежнева к Сталину. Юрий Владимирович Андропов рекомендовал меня Леониду Ильичу Брежневу в качестве советника, скорее речеписца. И поэтому вскоре после того, как Леонид Ильич пришел к власти, он пригласил меня, и я готовил его первое выступление. И тут зашел разговор о том, как относиться к Сталину. Надо сказать, что Леонид Ильич относился к Сталину очень хорошо, потому что тот его возвысил. И хотел в докладе сделать большой пассаж по поводу исторической роли Ленина и исторической роли Сталина. И странно сказать, я был молодым человеком независимого характера и позволял себе очень многое.

” И я ему сказал: «Леонид Ильич, если вы скажите что-нибудь положительное о Сталине, то вас поддержат пятьдесят процентов партийных кадров и пятьдесят процентов населения страны, а половина будет против».

Он задумался и сказал: «Вы в этом уверены?» Я говорю: «Леонид Ильич, я абсолютно уверен и считаю поэтому, что лучше обойти этот вопрос». Но на него повлияла, конечно, не моя позиция. Я не занимал такой пост, который имел влияние, хотя он прислушивался. Такую же позицию занял и Юрий Владимирович Андропов, что лучше обойти вопрос о Сталине. И в первом докладе Леонида Ильича Брежнева, была сказана одна фраза, что в период до войны, и во время войны, и сразу после войны партией и страной руководил товарищ Сталин.

Д.С.: И все?

Ф.Б.: Ни положительного, ни отрицательного. Он вообще был очень умелым политическим деятелем, который умело обходил острые углы. Таким образом он убрал упомянутого мной Шелепина, передвигая с места на место, а потом предав забвению.

С вице-президентом США Альбертом Гором. Вашингтон, Белый дом, 1992 г.

Д.С.:То есть Сталин и тогда был фигурой разъединяющей?

Ф.Б.:Сталин был предметом подспудной, но очень острой политической борьбы после своей кончины.

Д.С.:Даже спустя почти двадцать лет?

Ф.Б.:Прежде всего, в душе самого Брежнева, а потом и в душе Суслова и многих других деятелей. Может быть, в меньшей степени это относилось к Косыгину.

Д.С.:То есть в душе они были, в общем, сталинисты?

Ф.Б.:Они были сталинисты, во-первых, по сути. То есть они придерживались той схемы власти и той схемы политического курса, которые оставил Сталин. Здесь я могу рассказать один важный личный эпизод, связанный со Сталиным, вернее, с оценкой Сталина. У меня был разговор с Юрием Владимировичем Андроповым, когда он находился у Брежнева, на пятом этаже второго подъезда, где располагались секретари ЦК. И я ему сказал, что у меня был разговор с Леонидом Ильичем о Сталине. И что я подготовил записку по этому поводу для Леонида Ильича, но пока не знаю, передавать или не передавать. Андропов сказал, что «вы заняли правильную позицию, и я тоже (ну, не тоже, он имел, куда большее значение, конечно) говорил Леониду Ильичу, что надо обойти в докладе вопрос об исторической роли Сталина. Поэтому мы поступили правильно. А записку вашу, которую вы написали о Сталине и преодолении культа личности, спрячьте в стол, потому что, по меньшей мере, половина представителей руководства страны и,

в особенности партии, будет против».

Д.С.: В чем вы видите причину такой приверженности к сталинским идеалам управления и вообще к личности Сталина среди высшего руководства страны?

Ф.Б.: В двух вещах. Первое: сталинская политика — противопоставление России и русского пути развития Западу, Европе — импонировала подавляющему большинству кадров.

Д.С.: Почему?

Ф.Б.: Мы сами с усами. Мы русские, мы славяне. У нас своя история!

Д.С.: Кстати, вот вы сказали «русские»? Тогда это воспринималось, как русские-советские или русские-русские?

Ф.Б.: Это воспринималось, скорее, как русские-советские.

Д.С.: Ну, тогда корректнее сказать, мы советские? Или нет?

Ф.Б.: Это тоже говорили, но в основном говорили: «Мы — Россия».

Д.С.: Советский Союз, наверное, все-таки?

Ф.Б.: Мы — Россия, мы — Советский Союз.

Д.С.: А «Россия» говорили?

Ф.Б.: «Россия» говорили. Но больше, конечно, говорили Советский Союз. Мы — социализм, мы — первая страна социализма в мире. Мы пробиваем дорогу всему человечеству. И вся Европа, а потом и другие страны пойдут вслед за нами.

Д.С.: А среди высшего руководства вера в эти слова была? Какой процент?

Ф.Б.: Если говорить о секретарях ЦК и о президиуме ЦК... Я имел общение не со всеми, конечно, но с некоторыми достаточно тесные. В частности, с Сусловым Михаилом Андреевичем. Он решил мою судьбу, в конечном счете. Я в двух словах могу вам рассказать об этом. Я готовил по заданию Хрущева его речь на XXII съезде вместе с Беляковым, заместителем заведующего Международного отдела ЦК. Суслов был человеком довольно острого житейского ума, и очень хитрым политиком, очень осторожным деятелем и абсолютным догматиком. И когда он читал подготовленную мной и Беляковым речь свою, он бросил фразу: «Здесь бы хорошо цитатку Ленина!» А я после бессонной ночи и коньяка, который мы пили, пока писали, не сдержался и всхохотнул. Он бросил на меня острый взгляд. Я подумал: «Федя, раньше или позже, он тебя достанет». Потом к нему прибежала Фурцева, обиженная моей статьей в «Комсомольской правде» «На пути к премьеру Театра на Таганке», и добила моего изгнания с поста политического обозревателя газеты «Правда», куда я попал после работы в ЦК. Она, Фурцева, прибежала к Суслову. Михаил Андреевич дал указание главному редактору «Правды» Зимянину, чтобы меня и моего соавтора Лена Карпинского снять с работы. Это кстати, не знаю, нужно вам это или нет. Просто, в порядке личного общения. Так на какой вопрос я не ответил?

Политическая элита

Д.С.: Нет, вы отвечаете, просто отвечаете развернуто, тем интересней ваши ответы. Я параллельно буду какие-то дополнительные вопросы задавать. Вы упоминаете все время ту политическую элиту, которая существовала тогда, к которой вы принадлежали и знали ее хорошо. И мне чрезвычайно интересно услышать от вас вообще оценку этой политической элиты. И систему трансформации этой элиты, систему ее рождения. Как попадали люди... что это была за кухня, что за люди были там, наверху? Может быть, вы их поделите на какие-то группы, классы, подклассы и так далее?

С академиком Е.М. Примаковым. 2003 г.

Ф.Б.: Это были, в основном, хитрые, и в меньшей степени образованные и умные люди. То есть по серьезному счету умные.

Они, конечно, были не глупыми. Они были хитрыми, ловкими, умели демонстрировать преданность и вцепляться в какого-нибудь руководителя, который их вытаскивал.

Механизм был простой: приезжает секретарь ЦК куда-то на периферию знакомиться с одним из руководителей партийного или государственного аппарата. И тот старается пролезть в его сознание или в его душу. И именно так это становилось ступенькой к тому, чтоб подняться наверх или даже попасть в ЦК уже по выбору достаточно крупного и влиятельного руководителя. Это были люди не глупые, но почти все средние. Поэтому Сталин так выделялся. Он уничтожил тех, кто мог быть конкурентом, и оставил тех, которые более или менее искренне смотрели на него с восхищением и поклонялись ему. Работники аппарата были опытные люди. Они прошли школу, лестницу, по которой поднимались. Редко бывало так, чтобы человека взяли, и как сейчас неожиданно сделали...

Д.С.: Министром обороны.

Ф.Б.: Министром обороны (*смеется*). Человека, который никогда не служил в армии. Я не знаю, он даже призывником, кажется, не был?

Д.С.:Нет, вроде, он был лейтенантом.

Ф.Б.:А, лейтенант был?

Д.С.:Лейтенант, а потом сразу генеральские звания. Генерал-майор и по нарастающей.

Ф.Б.:При Сталине бывали такие случаи, когда кто-то попадал на глаза ему, но обычно это было исключение. В основном, поднимали на этаж выше и таскали за собой. Уже ты становился человеком этого деятеля, и он тебя опекал, и он тебя продвигал.

Д.С.:А сами руководители страны, послесталинские, они ведь тоже такого типа были, да?

Ф.Б.:Это были, в основном, опытные партийные функционеры. Кстати говоря, Андропов был самым ярким среди них.

Д.С.:А вот, кстати, я и хотел спросить, кого бы вы назвали именно ярким?

Ф.Б.:Самым ярким, природно ярким человеком, был Андропов. Он у нас в отделе так называемых социалистических стран выступал с речью на протяжении часа, не меньше (на партийном или на общем собрании отдела) абсолютно без бумажки.

Д.С.: И с интересной речью?

Ф.Б.:И абсолютно четко законченные периоды, как будто он получил высшее образование. На самом деле, он закончил партийную школу, и первоначальный шаг в его карьере — он был боцманом. И любил вспоминать о том, как он был боцманом на маленьком кораблике на Волге. Он был сдержанным человеком, и, наверное, не только умным, но и хитрым. Умел вести себя так, как следовало себя вести. Хотя однажды сделал очень большую ошибку, которая чуть было не испортила всю его карьеру. Вас это интересует?

Ошибка Андропова

Д.С.: Это описано у вас?

Ф.Б.: Думаю, что нет.

Д.С.: Расскажите, конечно!

Ф.Б.:После того, как сняли Хрущева, Андропов пригласил меня к себе. Я бывал практически каждый день у него. Руководил подотделом. В подотделах были консультанты, то есть интеллигентные люди, как правило, кандидаты наук, с иностранными языками. Это был элитный такой, элитная консультантская группа при Юрии Владимировиче, он хотел ее иметь. С чего я начал?

Д.С.:Что Андропов вас пригласил. Какую сделал ошибку Андропов, которая едва не стоила ему карьеры?

Ф.Б.:Да. И попросил написать записку для Брежнева и Косыгина. Он готовился поехать в Польшу, где они уже находились. И поставить целый ряд вопросов развития и преобразования страны, в том числе и в политической сфере. Признаться, я был довольно скептически настроен к Леониду Ильичу. Он говорил с трудом, он был из старорежимных кадров, производил такое впечатление. Хотя на самом деле, наверное, был человеком достаточно умным и опытным. Ну, по молодости, так сказать, я считал, что он довольно примитивный, что было неправдой. Тем не менее, я сообразил, что писать такую записку, антисталинскую, не время. Но по непонятным мне причинам Андропов, который хотел, наверное, произвести на них впечатление или подняться еще на одну ступеньку (он еще не был членом Политбюро или уже был, я точно не помню), попросил написать записку. И я написал такую записку «О развитии советской демократии», где поставил вопрос о парламентской системе.

Этот вопрос я ставил и перед Хрущевым, и вот поставил перед Андроповым в этой записке, что было

большой ошибкой. Я предупредил Юрия Владимировича: «Юрий Владимирович, вы можете не получить поддержки у Брежнева и Косыгина по этим вопросам». До сих пор не знаю, почему, но он доложил эту записку, когда находился в Польше. И получил, как говорили в аппарате, полный отлуп. То есть отказ поддерживать. Брежнев сказал: «Ну что, мы, понимаете, восстановим, как было при Сталине, аппарат и колхозы, где они распущены, и этим ограничимся». И Косыгин, как ни странно, тоже его поддержал. И это нанесло большой удар Андропову. Они поставили перед ним вопрос о переходе на работу, может быть не непосредственно здесь же, а потом, председателем КГБ. Он, конечно, ужасно не хотел туда переходить.

Когда он вернулся, это был двенадцатый час ночи, я зашел к нему и, не очень обдуманно, хотя был уже достаточно опытным политическим работником, сказал: «Юрий Владимирович, я знаю, что у вас были большие неприятности в связи с запиской, которую вы мне поручили подготовить. Я хотел бы подать в отставку и перейти на другую работу». В глубине души я думал, что он не согласится. И тут меня огорошило то, что он сказал. Он не стал меня критиковать. Он, наверное, собирался, тем более что я столкнулся тогда с Громыко и вел себя не очень сдержанно. И сказал: «А кого бы вы хотели оставить?» Ясно было, что он принял мою отставку. Я перешел политическим обозревателем в «Правду». И потом отдельная история: меня оттуда тоже уволили по инициативе Фурцевой и Сулова.

Д.С.: А какие ваши личные воспоминания о Брежневе? Просто человеческие?

Ф.Б.: Я провел с ним, вот так же, как сейчас с вами... он сидел по другую сторону стола, не меньше недели после его прихода к руководству, потому что меня ему рекомендовал Андропов, который был с ним близок до этого. Впечатление было, что он человек по натуре не злой, в какой-то степени даже добрый. Это было редко в партийном аппарате. Очень осторожный, очень сдержанный и малокультурный. Ему трудно было произнести даже маленькую речь без бумажки. Хрущев иногда выступал по бумажке, а иногда выступал экспромтом и делал это очень неплохо. Хотя речь его была такая угловатая и немножко простонародная, но, тем не менее, вполне понятная, как политическая речь. А Леонид Ильич обычно ограничивался одной двумя фразами незаписанными, а все остальное читал по бумажке. И только по бумажке.

Д.С.: И его это не смущало?

Ф.Б.: Его это совершенно не смущало. И его окружение настолько привыкло к этому, что сами стали подражать. Даже Андропов, когда он выступал в присутствии руководителей, имел написанный текст, а у нас в отделе, как я уже сказал, он выступал без всякого текста и очень гладко. Все пристраивались к новому стилю и, почти не отрываясь, читали. Они не хотели казаться лучше, чем Генеральный секретарь, или попытаться возвыситься в чем-то над ним. Я ответил на вопрос?

Д.С.: Да.

Ф.Б.: По натуре Брежнев был скорее добрым, чем злым. И выступал против тех политических деятелей, которые были явно его противниками, пытались занять его место. Прежде всего против Шелепина.

Культурная жизнь аппарата

Д.С.: Федор Михайлович, вот какой вопрос у меня вдруг возник. Может быть, он получит у вас отклик. Среди высших политических деятелей, руководителей страны, не обязательно Хрущева и Брежнева, вообще аппарата, какие были приоритеты или пристрастия в культурной жизни и были ли они вообще? Театральные, музыкальные, художественные? Может быть, был какой-нибудь художник модный среди них или еще что-то. Или это было совсем отрезано и вообще никому интереса не было?

Ф.Б.: Нет, была традиция, которую в какой-то степени в своей молодости заложил еще Сталин — посещать Большой театр. Считалось, что партийное руководство должно посещать оперу, как самое фундаментальное искусство, хотя они ничего не понимали в этом, но, тем не менее, отсиживали довольно аккуратно, когда туда приезжали руководители. Я не говорю о Сталине, он там очень редко бывал. Хрущев

тоже не часто. А Брежнев чаще, как ни странно. И остальные плелись за ними, больше для того, чтобы посидеть рядом, или пожать руку, или лишний раз показаться на глаза. На самом деле они совсем не любили и не понимали оперу. Я не знаю ни одного, кроме Андропова. Андропов, как ни странно, был человеком достаточно высококультурным. Я подозревал и до сих пор считаю, что он был какого-то происхождения... даже я думал, что он был греческого происхождения... не знаю. «Андроп» — не русское слово. Он производил впечатление в какой-то степени иностранного человека, который попал в среду середняков и резко выделяется в ней. Тем не менее, у него хватало ума вести себя крайне сдержано, не вылезать наперед и не выпячивать себя. Я так и не ответил на ваш вопрос?

Д.С.:Нет, ответили, ответили. Интересовало ли что-то в культурной жизни кого-то из них?

Ф.Б.:Ну конечно. У каждого были пристрастия свои, культурные. Это, конечно, был не Большой театр и не оперетта. Они любили песни, пели песни, когда поддавали.

Д.С.:Народные, в основном?

Ф.Б.:Нет, советские больше. Все росли на советских песнях. В том числе и наше поколение. Я не знаю ни одного, который любил бы оперу из числа членов Политбюро.

Д.С.:Понятно. Вот вы сказали, поддавали. А вообще, так сказать, практика застолий...

Ф.Б.:Дело в том, что вы, наверное, слышали (это прекрасно знают все), что при Сталине были очень поздние застолья.

Д.С.:Ночные.

Ф.Б.:Ночные. Там засиживались до четырех, до пяти часов утра и потом отсыпались. Но этот стиль не сохранился после него. Хрущев был очень живым, подвижным, активным человеком. Он выступал, размахивая толстым кулаком своим. Такой у него был здоровенный крестьянский кулак. Размахивал им по каждому поводу, демонстрировал энергетику. А Сулов был абсолютно закованным в броню чиновником, который никогда лишнего слова не говорил, только бросал острые взгляды, всматриваясь в каждого человека. В целом, они были, пожалуй, одаренными в человеческих отношениях. Это отдельная сфера. Я думаю, что и на Западе это немаловажный фактор: умение налаживать отношения, нравиться тем, от кого зависит твоя судьба, и пробиваться. В этом смысле все были очень опытными и работали мастерски. Но, кроме того, некоторые были и достаточно образованными людьми. Я считаю, что самым образованным был Косыгин. Он был очень хорошим хозяйственным руководителем, дай нам Бог иметь такого сейчас! Он прекрасно знал всю экономику страны, заглядывал за рубеж, искал новые решения и так далее.

Причины распада страны

Д.С.:Вы описываете общий уровень руководства, и первых лиц, и окружения, как крайне невысокий. Вот именно этот факт, он ведь и стал решающим в том, что Советский Союз не смог сохраниться. А вы, как я знаю, думаете, что была возможность Союз сохранить? Сохранить-то на каком основании, на каком фундаменте, благодаря кому?

Ф.Б.:Я считаю, что возможность сохраниться была, потому что с одной стороны партийные руководители республик жаждали независимости для себя. Но с другой стороны, они боялись выходить за пределы, за рамки Советского Союза, потому что экономически зависели от России. В Средней Азии, да даже в той же Белоруссии фактически ничего нет такого, чем можно было бы по-настоящему прокормить население. Им приходится с натугой добывать, и очень многие выезжают или в Россию, или за границу. Это совершенно не случайно.

После разгона Верховного Совета СССР на даче в Переделкино. 1993 г.

Решающую роль в распаде Советского Союза, с моей точки зрения, сыграли: политический фактор, другой фактор — умонастроения массы и третий — случайный фактор. Первый, политический фактор, состоял в том, что к власти рвался Ельцин. Ему нужна была платформа и свобода рук, чтобы убрать Горбачева.

” **А в ту пору как раз зародился аппаратный национализм. Зачем нам кормить все эти республики — главный тезис развала Советского Союза.**

Это с одной стороны. Вторая причина — настроение первых секретарей республик. Они обрели независимость фактическую уже во времена Горбачева, который был в административном отношении слабым руководителем, не умел держать власть. Он не случайно потерял ее.

Третьим фактором был русский и антирусский национализм. Он вспыхнул неожиданно с приходом Ельцина, но не только из-за того, что Ельцин этого хотел. Из-за того, что это были умонастроения огромной массы аппаратных людей. Самая расхожая была фраза: «С какой стати мы должны их кормить?» Все эти республики, особенно среднеазиатские республики, ничего не производят фактически. Хлопок и больше ничего. Что еще там можно найти, даже если покопаться? И с другой стороны, роль, которую играли национальные кадры. Я не говорю там о влиянии Грузии, скажем, которая была особым... но и

многим другим руководителям большим это очень не нравилось, русской части аппарата. Это русский аппарат был, в основном. И Ельцин, который искренне придерживался таких же взглядов, сыграл главную роль в распаде Советского Союза.

Но и многие республики этого хотели. В частности, Назарбаев и другие руководители республик хотели больше независимости. Может быть, не полного выхода из Советского Союза, но большей независимости хотели. Должен сказать, что будучи депутатом Верховного Совета СССР я выступал на последнем заседании, когда распускали Советский Союз. В президиуме сидел и Горбачев, и Ельцин, и другие руководители. Я был первым, который сказал, что дело идет к распаду. Это сохранилось в стенограмме. Есть угроза распада страны, надо сделать все, чтобы республики были удовлетворены, и все мы вместе решали проблемы, перед которыми стоит страна. Не знаю, надо об этом писать или нет, может быть, я это рассказываю для вас.

Советский национализм

Д.С.: Скажите, вы упомянули о своей работе в отделе соцстран. В 88-м году был создан Идеологический отдел на базе трех ранее существовавших отделов. Зачем это было сделано? И сыграло ли это какую-то роль?

Ф.Б.: Идеологический отдел, если не ошибаюсь, был создан по предложению Ильичева, который возглавил этот отдел, потом стал секретарем ЦК по идеологии. Кто это инициировал, кроме Ильичева, не могу сказать точно. Но думаю, что одним из инициаторов мог быть Сулов, который считался главным нашим идеологом. Так или иначе, это не обошлось без его влияния. Я не очень сотрудничал с идеологическим отделом, потому что был в отделе соцстран и сотрудничал с международным отделом, с Андроповым и Пономаревым, а в меньшей степени с идеологами.

Д.С.: А на ваш взгляд идеология должна быть? Государственная идеология?

Ф.Б.: По-моему, нет.

” Должно быть национальное чувство. Чувство родины, чувство принадлежности к этой земле, к этому народу, к этому языку, к этим языкам, поскольку тогда было много языков. Но за пределами этого мы выплескиваемся в национализм, в узость.

До сих пор мы считаем себя не частью Европы, а психологически отдельной страной. Есть где-то там Западная Европа с непонятным и языками и есть Россия-матушка. Это слово в старину... это хотел переломить Петр I и многого добился. Но, в сущности, после Октября мы вернулись именно к этому, к так называемому советскому национализму. Мы — первая страна, которая пробивает дорогу всему человечеству. И все пойдут, и прежде всего Европа, этим путем. Это очень глубоко вошло в сознание старшего поколения, и моего поколения, и даже следующего поколения. Хотя, уже, может быть, в меньшей степени.

Д.С.: А сейчас угроза национализма есть?

Ф.Б.: Конечно, безусловно. Есть не только национализм русский, но и еще национализм республиканский. Во многих случаях он намного сильнее, например в Узбекистане. Там русским живется очень несладко.

Д.С.: Да, но Узбекистан — это теперь не Россия. Это самостоятельное государство.

Ф.Б.: Начиналось раньше.

Д.С.: Но и среди национальных образований в рамках Российской Федерации то же самое.

Ф.Б.:Конечно. Кавказ достаточно назвать, чтобы понять, насколько они считают себя особенными и не хотят быть вторыми. В сравнении с русскими.

Д.С.:А какие вы видите, кроме национализма, глобальные опасности для нашей страны и, если можно, пути решения проблем, их реализации?

Ф.Б.:Главная угроза в том, что большинство русских людей и большая часть России не чувствует себя по настоящему европейцами. Мы — отдельные, мы — особые, у нас своя история, у нас своя культура. Это самое распространенное убеждение массы, и каждый из нас этому не чужд, потому что мы выросли на этом. И язык наш совершенно не западноевропейский язык. И культура наша складывалась под влиянием Европы, но, в основном, своя. Само по себе это не плохо, если это не противопоставляется Европе. Но сейчас, по-моему, среди нового поколения этих настроений значительно меньше, чем среди нашего поколения. Теперь новое поколение, особенно богатые, состоятельные люди, хотя я не люблю их, но они стали больше европейцами, чем простой народ. По каким-то интересам к Европе, изучению языков, подражанию Европе и в определенной степени Америке, соревнованию с Америкой и так далее. Но такая вот застойность и самость, то есть нежелание как-то смешиваться, они присущи большинству народу, по-моему.

Д.С.:Очень интересно. А скажите, какие еще есть, на ваш взгляд, негативные, отрицательные векторы развития современной политической и общественной жизни, с которыми нужно что-то делать?

Ф.Б.:Ну, номер один, о чем я говорил еще с самых давних времен и был первым в этом отношении, и много натерпелся и преследований, и так далее — у нас пока нет настоящей парламентарной системы. Парламент как будто бы избирается формально так же, как в других странах, а по существу, это разыгранная партия. Это, в общем-то, сговор руководителей и какой-то части элиты, которая переходит на определенную сторону и избирает, формирует и сдерживает активность парламента как руководящего органа страны. По-моему, это самая большая проблема. Потому что персональный стиль руководства, конечно, это уже не культ личности, это даже не брежневские времена, это новое время. Но персональность сохраняется до сих пор, особенно в областях, где первый — это первый секретарь, председатель. Я, когда был молодым и горячим, думал, что дело пойдет значительно быстрее, даже с переходом на Запад.

” Но оказалось, что века, которые остались у нас за спиной, до сих пор висят над нами. Мы сами по себе. Хорошие или не очень хорошие, более талантливые, чем западники, или менее талантливые, чем западники, но мы, в сущности, частью Запада не стали.

И это в особенности касается политической жизни и политической системы. Сейчас меня довольно сильно удивляет та, мягко говоря, раскованность, которая есть у некоторых наших газет по отношению к руководителям. Этого не было никогда на моей памяти. И это симптом каких-то возможных перемен.

Д.С.:Что вы имеете в виду?

Ф.Б.:Ну, газеты пишут о руководстве.

Д.С.:То есть много позволяют себе? Это вы имеете в виду?

Ф.Б.: Да, по сравнению с тем, как это было при Сталине и после Сталина.

Д.С.: Это нельзя сравнивать со сталинским временем. Это понятно.

Ф.Б.:Даже если сравнивать брежневские времена, и даже с ранним, и с последним периодом. Сейчас, конечно, пресса стала куда более раскованной и разрешает себе очень многое, и это чревато переходом к какой-то более жесткой модели.

Д.С.:Вы думаете, все-таки будет такая трансформация?

Ф.Б.:Ну, уже, по-моему, начали наводить порядок. Уже первые шаги сделаны. Нередко, когда касается персоналий, может быть не самых главных, но тем не менее. Народ научился говорить. В этом отношении мы стали напоминать Запад. Но как долго это будут терпеть?

Д.С.:Ваш прогноз какой?

Ф.Б.:Сказать трудно. Уже, по-моему, начался, так сказать, немного обратный ход.

Д.С.:И как вы оцениваете, что начался обратный ход? Насколько это правильно? Насколько фатально?

Ф.Б.: Я думаю, что постепенно мы придем к какому-то варианту. Может быть, не английской демократии, может быть, не германской демократии такого типа, которая, в общем, контролируется элитой. Трудно сказать, говорю это не с полной уверенностью. Как пойдет дело у нас, предсказать трудно, но первые шаги уже сделаны. В том, чтобы люди не позволяли себе слишком резких высказываний по поводу элиты.

Д.С.:Да, но сейчас все это усложняется наличием, например, интернета, где, в общем, совсем по-другому все.

Ф.Б.:Да, конечно. Возникли механизмы, которые не зависят от власти. Страна стала куда более раскованной, чем в прежние времена.

Переход к республике

Отмена диктатуры пролетариата, как символа именно советской демократии, была, конечно, очень крупным событием в нашей политической жизни. И то, что, в конечном счете, и руководители согласились с этим, крайне важно. Второе, я выступил в печати с идеей создания президентской парламентской республики. Я был первым, кто об этом написал. Статья так и называлась «К президентской республике». Вначале это вызвало шок, потому что все гордились тем, что у нас необычная политическая система, в отличие от Запада. Это считалось подражанием Западу, хотя это было подражание всему миру прогрессивному. Я выступил с рискованной идеей отмены диктатуры пролетариата в журнале «Коммунист» впервые. А потом включил эту идею в проект программы партии. И работал два года за городом, в Нагорном, над проектом этой программы. И, в конечном счете, это было принято. Ну и затем парламент, создание двухпартийного парламента, ответственного правительства, всенародного избрания президента — все эти вещи впервые были выдвинуты в моих работах.

Д.С.:Но это идеи еще 60-х годов?

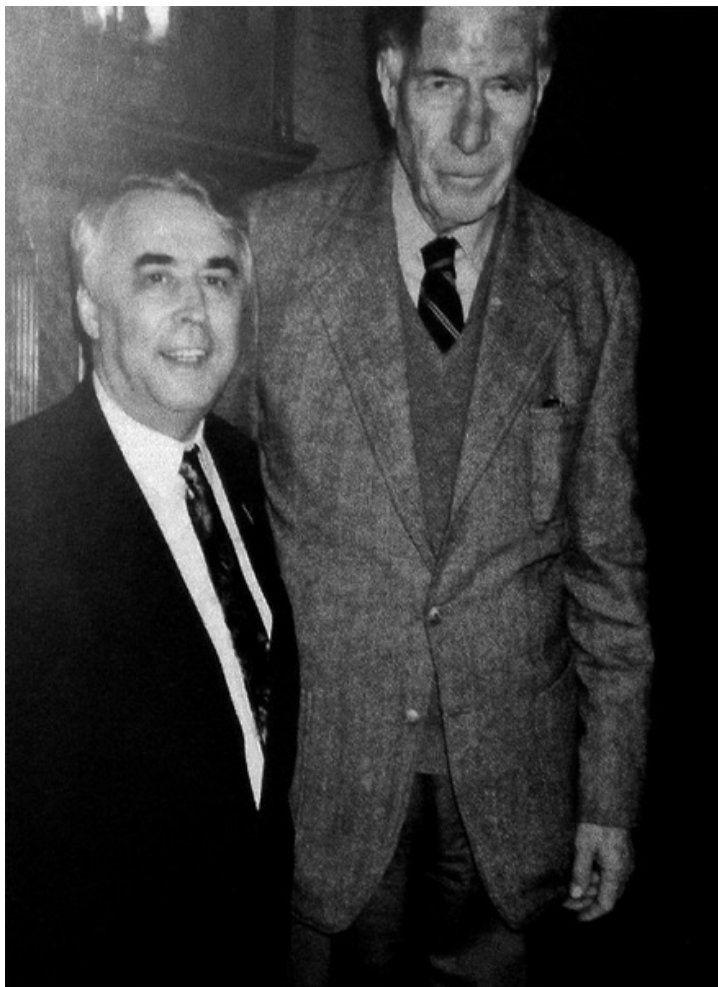
Ф.Б.:Это в хрущевское время.

Д.С.: Действительно, ведь это революционные, абсолютно революционные предложения?

Ф.Б.:Конечно, это был взрыв! Совершенно. И в аппарате... в международных отделах это поддерживали, а в других отделах считали меня ревизионистом и кем угодно еще. В конечном счете, мне пришлось уйти из аппарата. Я доигрался.

Д.С.:Вот вы начали перечислять, собственно, важные для вас предложения. Что вы считаете своей победой безусловной в разработке политических программ и в деятельности страны?

Ф.Б.:Основание у нас парламентской системы, парламентаризма.

С профессором Гарвардского университета Кеном Гэлбрайтом. Кембридж, 1992 г.

Д.С.:Вы считаете, ваша заслуга в этом?

Ф.Б.:Я был первым, кто поставил об этом вопрос публично. И в газете «Правда», и в журнале «Коммунист» я многое себе позволял, потому что был работник ЦК, фактически заместитель Андропова. И многие считали, что это согласовано с ним, хотя я с ним не согласовывал. Относительно выдвижения идеи президентства у меня была специальная статья, может быть, я покажу ее вам как-нибудь. Это все опубликовано в моих книгах потом уже. Там поставлены везде даты, так что известно, когда это выдвигалось.

Идея президентской республики

Идея президентской республики для страны. Может быть, это было не вполне правильно, я до сих пор в этом не уверен. Но я считал, что поскольку традиция России, так или иначе, была связана с режимами царского, диктаторского типа, то нам ближе президентская республика. Тем более что я очень неплохо знал и опыт Франции, и опыт Англии, как президентских республик. Но самое главное (может быть это то, с чего я начал) — это отмена диктатуры пролетариата. Когда об этом услышали в ЦК, то мне потом пересказывали очень любопытную историю. Пересказывал Куусинен Отто Вильгельмович. Я работал в его коллективе над учебником по основам марксизма-ленинизма. Он говорил, что к нему прибежала Фурцева и сказала: «Отто Вельгельмович (вернее, не прибежала, а по телефону), как вы можете? Это святая святых!

Я родилась при идее диктатуры пролетариата! Это наше главное завоевание! Это же ослабит государство!» А Куусинен очень спокойно говорил: «Может быть, не ослабит, а укрепит государство». «Никогда не смогу согласиться с этим», — говорила Фурцева. Это было сенсацией. Я своей рукой записал в проекте программы конституции (я два года был в коллективе, который над этим работал) «отмену диктатуры пролетариата и переход к общенародному государству». И Хрущев это поддержал.

Д.С.: Вы знаете, совсем недавно вышла статья Владимира Пастухова в «Новой газете». Есть такой политолог, он живет и преподает в Англии, кажется. Статья называлась «Государство победившего люмпен-пролетариата». Очень острая и жесткая статья, в общем, о чем идет речь, вы понимаете?

Ф.Б.: Да, конечно!

Д.С.: Как бы вы это прокомментировали?

Ф.Б.: Я не видел статью, надо посмотреть ее текст и контекст.

Д.С.: Речь идет о том, что власть делает сейчас ставку на абсолютно маргинализованные группы, на тех, кто будет доволен дополнительной порцией похлебки и, таким образом, своей пассивностью будет поддерживать власть. Даже не активной поддержкой.

Ф.Б.: Я бы сказал немножко другое. Сейчас в огромной степени торжествует власть миллионеров, главную роль в политике играют владельцы колоссальных капиталов. В этом смысле сделан шаг в сторону капитализма. Его нет еще, конечно, в нашей стране. Есть только зарождение и смесь времен и систем. Но элита страны — это богатые люди, или те, которые стали богатыми и вошли во власть, или те, которые обогатились у власти. Поэтому люмпены, конечно, используются как материал, самый удобный и пригодный для манипулирования, но никакой роли в политике и в идеологии они не играют. Верховный совет состоит из богатых людей, а не из люмпенов.

Д.С.: Это безусловно. Просто речь в работе шла о том, что в государстве должен быть кто-то, кто поддерживает политику.

Ф.Б.: А, кто поддерживает, с этим можно согласиться. Да, конечно. Но в основном государство опирается на слой богатых и состоятельных людей, и самых состоятельных людей из среднего класса. Так мне кажется. А люмпены, это, так сказать, уже какая-то хулиганствующая часть. У нас они занимают большое место, потому что такого бандитизма... я не знаю, когда такое было. Не случайно миллионеры предпочитают часто жить за границей. Здесь им неудобно быть постоянно, здесь они зарабатывают деньги.

” Мы, конечно же, хотели идти по пути Запада, но все-таки всегда считали, что руководить страной должен средний класс.

Д.С.: Сейчас, видимо, так не считается. Вы как опытный журналист и работник ЦК, и советник, приведите, пожалуйста, примеры манипулирования сознанием, которые были в советское время. Вот надо было что-то сделать, донести, и привлекали аппарат, знающих людей, вырабатывали какую-то стратегию, стратегия проводилась в жизнь. Можете такой пример привести?

Манипулирование сознанием

Ф.Б.: Самый главный сюжет на эту тему: «мы — не Запад, мы — русские».

Д.С.: И это соответственно многое объясняет и многое покрывает?

Ф.Б.: Да, потому что исторически складывалось так, что Россия была отделена от Запада. Те усилия, которые приложил Петр для того, чтобы сделать нас западной страной, на три четверти ушли в песок

впоследствии. И сама советская власть появилась как антизападная власть. Я всегда придерживался такой точки зрения, что тенденция быть западной страной, западнославянской страной, должна восторжествовать в России. Потому что весь мир повернулся к опыту Западной Европы, даже отсталые африканские страны, не говоря уже о латиноамериканских странах. Западная политическая система, западная система ценностей. Не говорю, что я в восторге от них, но это лучшее из того, что было создано человечеством. Поэтому наша попытка все-таки создать не западную или даже раньше не антизападную цивилизацию была обречена на провал. Но периодически вспыхивало западничество. При Петре, при Екатерине. Потом снова угасало. Потом снова при Николае II вспыхнуло. Потом снова угасло. Потом советская власть, которая противопоставляла себя Западу и западному опыту. Это все не случайно. Это результат нашего исторического процесса и живет в наших душах.

Д.С.:На ваш взгляд путь России именно в том, чтобы войти в семью народов Европы?

Ф.Б.:Я придерживаюсь петровской традиции. Совершенно убежденно. Я был практически во всех странах Запада, и не только Запада. Много ездил в свое время и убежден, что мы должны идти путем Запада. Китай попытался в одно время совершенно отгородиться, но фактически рыночная система была целиком скопирована с Запада. Они сохранили политическую систему, традиционную, в определенной степени. Только у Китая мог быть такой странный симбиоз: очень современной экономической системы и абсолютно архаичной политической системы. А мы все время в состоянии выбора с одной стороны и с другой стороны.

” С одной стороны, нам хочется быть частью Запада, и даже сейчас, смотрите, милицию переименовали в полицию. И у нас президент, у нас парламент как будто бы. А с другой стороны, мы в огромной степени остались традиционной страной.

Я думал когда-то, в молодости, когда я очень горячо пробивал эти идеи, с риском для своей биографии, что дело пойдет намного быстрее. А потом я стал повторять одну и ту же странную сентенцию, что понадобится еще целый век для того, чтобы мы стали частью Запада. Конечно, совершенно самостоятельной, славянской, русской. Но ведь и чехи тоже славяне. Поляки тоже славяне. Хотя я не в восторге от польской системы. Чехословакия, может быть, достигла наибольшего равновесия в сочетании традиционного и современного общества и системы.

Д.С.:Вы и сейчас считаете, что понадобится еще сотня лет?

Ф.Б.:Нет, сейчас по другому. *(Смеется)*. Это я повторял в молодости.

Д.С.:Это потому что прошло тридцать лет?

Ф.Б.:Просто я прожил, извините, уже восемьдесят лет. Ну, если не считать двадцати лет молодости и юности, хотя я был настроен, так сказать, антисталинистски с детства. Отец был из состоятельной семьи. Он закончил в Петербурге консерваторию. А мать была абсолютно партийной, но ленинкой и антисталинкой. И сначала я позаимствовал ее модель, а потом пошел дальше.

Мама Ф.М. Бурлацкого Софья Григорьевна Купчина-Бурлацкая

Д.С.: Интересно. К сожалению, я вас сбиваю с одного на другое.

Ф.Б.: Да ничего. Некоторый сумбур всегда украшает.

Д.С.: А ваши, кстати говоря, художественные, эстетические пристрастия какие? Что нравится? Что, может быть, вы до сих пор как-то вспоминаете или перечитываете?

Ф.Б.: В молодости я больше всего любил Лермонтова из русских писателей. Потом, по мере созревания, все-таки перешел к Пушкину, хотя до сих пор Лермонтов трогает больше. У него было больше чувства. А из западных я был неизменным поклонником Шекспира. Я люблю драму в таком виде. Я сам писал драмы, у меня шли пьесы в некоторых театрах.

Д.С.: Ну, это прямо такая классика-классика. А из советских авторов?

Ф.Б.: Из советских я любил Маяковского, Ильфа и Петрова и, конечно, Шолохова. Шолоховым в юности зачитывался.

Д.С.: Ясно. Можно еще один вопрос?

Ф.Б.: Да, пожалуйста.

Д.С.: Вопрос такой. Поскольку вы были постоянно на самом вершине и видели, и при Андропове в том числе, мне очень интересно услышать ваше воспоминание о методике работы с инакомыслящими,

с диссидентами. Как эта работа проходила, и чему вы были свидетелем?

Ф.Б.:Вы имеете в виду какие времена?

Д.С.: Когда вы были с Андроповым. Это 70-е годы.

Ф.Б.:Я не пошел за Андроповым в КГБ, он звал меня. Я работал с ним только в ЦК.

Д.С.:А, ну да. Я ошибаюсь. Это некорректный вопрос.

Ф.Б.: Я знал его, когда он был партийным работником. Он очень не хотел уходить в КГБ, очень. Он считал, что его задвинули в угол. Он очень долго целился на первую роль. Андропов звал не только меня, но и других сотрудников ЦК, которые работали с ним, за собой. Но ни один из нас не пошел. Ни один из консультантов не пошел, и я тоже. Он сказал: «Вы, конечно, не пойдете, но я все-таки вам предложу генеральскую должность».

Д.С.:Сразу генеральскую.

Ф.Б.:Ну, я же занимал большую должность в ЦК, был практически заместителем секретаря ЦК, руководил отдельной группой консультантов-советников. И я ему ответил: «Юрий Владимирович, я люблю свободную жизнь». Действительно, я очень любил ездить за границу. Я был в Америке шесть-семь раз, я не помню сколько. Выступал там в Конгрессе перед депутатами.

Д.С.:Какое ваше впечатление от Америки как от страны и политической системы?

Ф.Б.:Америка, конечно, одна из самых интересных стран в мире. Я больше душой люблю Европу, особенно Англию. Мне очень нравится культура этой страны, люди, которые насыщались этой культурой на протяжении веков, а не полтора-два века, как американцы, даже меньше. Но политическая система в Америке мне представляется, конечно, не идеальной, но очень надежной. С одной стороны, дающей выход различным слоям общества участвовать в политике, а с другой стороны — устойчивой.